

УДК 811.511.131

DOI 10.22213/2618-9763-2026-2-105-112

И. А. Леконцева, аспирант

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ВЫРАЖАЮЩИЕ РЕЗУЛЬТАТ ДЕЙСТВИЯ (на материале удмуртского языка)

Статья посвящена комплексному анализу безличных предложений, выражающих выполненное действие или состояние предмета, в системе современного удмуртского языка. Особое внимание уделяется синтаксической роли причастия на -мын как основного элемента сказуемого, а также его сочетаниям с отрицательными словами (övöl, öй вал, уз луы) и вспомогательными глаголами (вал, луыны), уточняющими темпоральные характеристики действия.

Впервые предложено выделить новую, самостоятельную семантическую группу безличных предложений, выражающих результат действия. Для подкрепления этой гипотезы приводятся типологические параллели с русским языком (категория предикатов результативного состояния) и коми (безличные конструкции, обозначающие окончание действия и его результат). Обосновывается идея о том, что выявленная категория представляет собой устойчивую, семантически однородную группу, сосредоточенную на результате процесса, а не на его деятеле. Исследование вносит вклад в уточнение грамматической классификации безличных предложений удмуртского языка.

Одновременно выявлена формальная близость некоторых безличных и пассивных форм удмуртского языка, т. е. они включают те же компоненты (пассивное причастие и вспомогательный глагол «быть»), что делает необходимым опираться на синтаксические позиции и согласовательные связи при классификации. Предложены диагностические критерии, позволяющие отличать безличные конструкции от пассивных: отсутствие номинативного аргумента в структуре предложения; наличие номинативного аргумента, который не влияет на согласование предиката по числу и потому рассматривается скорее, как объект или тематический элемент, нежели как грамматическое подлежащее. Прослеживается, что граница между безличным и пассивным не всегда четкая и часто требует рассмотрения конкретного контекста и синтаксической реализации аргументов.

Ключевые слова: безличные предложения; удмуртский язык; семантика; результативное действие; пассивные предложения

Введение

Безличные предложения, представляя собой универсальный феномен грамматического строя многих языков мира, являются объектом современных лингвистических исследований. Как подчеркивает Е. С. Паташкова: «...безличные предложения отличаются необычайным спектром семантико-стилистических возможностей» [1, с. 303]. Их изучение способствует уточнению механизмов синтаксической организации предложения, выявлению специфики реализации категории предикативности и осмыслению характерных черт безличных конструкций. В лингвистической литературе постоянно подчеркивается тенденция роста и все более широкого распространения безличных конструкций [2, с. 664].

В современном удмуртском языке, обладающем богатой структурой и системой синтаксических единиц, безличные конструкции занимают значительное место, выполняя различные функции. Особый интерес среди них представляют предложения, выражающие выполненное действие и состояние предмета.

Целью настоящей статьи является описание и классификация безличных предложений, выражающих результат действия и состояние предмета, на материале современного удмуртского языка.

Для достижения поставленной цели необходимо определить ключевые критерии выделения данной группы предложений; выявить их основные структурно-семантические типы; проанализировать грамматические формы предикатов и их связи с другими членами предложения; изучить особенности выражения семантики выполненного действия и состояния предмета; а также рассмотреть их функциональную специфику в различных контекстах.

Материалом исследования послужили примеры, извлеченные из текстов удмуртской художественной литературы, размещенных в Национальном корпусе удмуртского языка¹.

Работа опиралась на корпусный и текстовый анализ, сопоставительные приемы и синтаксико-семантический подход, что позволило не только зафиксировать формальное разнообразие

исследуемой группы, но и соотносить его с ее смысловой и функциональной спецификой.

Теоретический вклад исследования состоит в уточнении классификации безличных предложений в удмуртском языке. Практическая значимость работы обусловлена предложением диагностических инструментов и описательной базы, которые могут послужить отправной точкой для дальнейших корпусных, диахронических и сопоставительных исследований. Полученные результаты позволят не только углубить представление о синтаксическом строе удмуртского языка, но и внести вклад в общую теорию безличных предложений в финно-угорских языках.

Обзор литературы

Обращаясь к теоретическим истокам синтаксического анализа, нельзя не упомянуть концепцию Л. Теньера, который рассматривал глагол как структурный центр предложения, обладающий определенной валентностью. Согласно гипотезе ученого, глагол является центральным элементом предложения, определяющим его структурную схему и требующим определенного количества актантов – обязательных участников синтаксического события. Он выделял различные типы валентности: одновалентные глаголы (требующие одного актанта – субъекта), двухвалентные (субъект и прямое дополнение) и трехвалентные (субъект, прямое и косвенное дополнение). Для безличных конструкций характерен тип так называемых безвалентных глаголов или, точнее, с радикальной редукцией валентности, при которой позиция первого актанта (традиционного субъекта или агенса) полностью элиминируется [3, с. 251].

Главный член безличного предложения может быть выражен кратким страдательным причастием, которое передает значение состояния в результате совершаемого действия [4, с. 204]. В контексте функционирования безличных конструкций современного удмуртского языка, выраженных причастием на *-мын*, мы наблюдаем процесс принудительного снижения валентности глагола. Эта синтаксическая трансформация позволяет языку акцентировать внимание не на исполнителе действия, а на самом процессе, его результате или на состоянии, претерпеваемом объектом. Например, в предложении *Корка утялтэмын* 'Дом прибран' фокус смещен с того, кто выполнил действие, на состояние дома. Таким образом, форма на *-мын* выступает не просто как грамматический показатель, а как инструмент синтаксической редукции, позволяющий

удмуртскому языку абстрагироваться от производителя действия и сосредоточиться на его последствиях или конечном статусе объекта.

В современной лингвистической типологии для обозначения конструкций, фокус которых смещен с самого действия на его следствие (состояние объекта), используется термин «результатив»¹ [5]. В контексте удмуртского языка под *безличным результативом* мы будем понимать структуры, где предикат на *-мын* констатирует состояние, наступившее в итоге завершеного процесса, при устранении деятеля из синтаксической структуры.

Наряду с синтаксическим подходом Л. Теньера, когнитивно-ориентированная лингвистика предоставляет важный инструментарий для осмысления функциональной специфики безличных конструкций. Работы А. Е. Кибрика, посвященные семантическим ролям и стратегиям кодирования событий, позволяют глубже понять природу деагентивизации синтаксических конструкций в удмуртском языке. А. Е. Кибрик подчеркивал, что любое событие включает в себя определенную ролевую структуру, где агенс – это инициатор действия, пациенс – объект, претерпевающий изменение, и другие участники. В исследуемых нами безличных предложениях удмуртского языка, выражающих результат действия или состояние, проявляется явление деагентивизации – сознательного или бессознательного устранения агенса из фокуса внимания. Согласно А. Кибрику, «когда для коммуникативной задачи несущественно указание на деятеля, или же деятель неизвестен, язык предоставляет средства для его элиминации из пропозиционального содержания» [6, с. 158]. Это означает, что выбор безличной конструкции не является случайным, а отражает определенную коммуникативную интенцию говорящего: акцентировать внимание на самом факте свершения действия или на достигнутом состоянии, а не на том, кто его совершил.

Синтез теоретических взглядов Л. Теньера и А. Е. Кибрика позволяет комплексно подойти к анализу безличных предложений удмуртского языка, выражающих результат действия или состояние. Работы Л. Теньера обеспечивают синтаксический каркас, объясняя механизм редукции валентности глагола и элиминации первого актанта как структурную основу безличных конструкций. В то же время исследования А. Кибрика раскрывают глубинную когнитивную и коммуникативную подоплеку этого явления, демонстрируя, как язык выбирает стратегию

¹ Плузган В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира : учеб. пособие. Москва : РГГУ, 2011. 672 с.

деагентивизации для смещения фокуса с деятеля на результат или состояние.

Эти два подхода взаимодополняют друг друга, подтверждая, что удмуртская безличность – это не просто грамматическое отсутствие подлежащего, а многомерный феномен, имеющий глубокие синтаксические и семантические основания. Он является отражением языкового мышления, ориентированного на описание мира через свершившиеся факты и установившиеся состояния, что особенно актуально для описания бытовых процессов, природных явлений и ситуаций, где личность деятеля остается неизвестной или несущественной для сообщения. Понимание этих теоретических принципов позволяет более полно раскрыть функционально-семантический потенциал анализируемых конструкций в удмуртском языке.

Выделение категории безличности

Для более глубокого понимания принципов выделения отдельной категории безличных предложений в удмуртском языке обратимся к существующим классификациям семантических групп. Эти классификации помогают систематизировать многообразие безличных конструкций, однако не всегда могут охватить все их нюансы.

В русском языке одной из классических является классификация семантических сфер, представленная Ю. С. Степановым: 1) стихийные явления природы; 2) стихийные явления организма; 3) сфера модальности; 4) сфера наличия, существования¹. Представленная классификация явилась фундаментом для дальнейших исследований, в том числе для удмуртского языка.

Наряду с Ю. С. Степановым, значительный вклад в разработку классификации семантических групп безличных предложений внесли такие отечественные исследователи, как А. А. Шахматов [7], Е. М. Галкина-Федорук [8], Ю. А. Пупынин, определяя семантического носителя признака в безличном предложении [9], А. В. Петров [10] и др.

К вопросу классификации безличных предложений удмуртского языка подходит В. И. Алатырев. В «Грамматике современного удмуртского языка» он выделяет четыре семантические группы безличных предложений, выражающие [11, с. 199]:

1) разные физические, психофизиологические чувства, ощущения, переживания, состояния;

2) разнообразные явления природы;

3) необходимость, долженствование действия;

4) состояние, существование (процесс), квалификацию какого-либо явления и т. д. (связанные с категорией возможности или невозможности).

Однако данная классификация не охватывает весь спектр семантических значений безличности, встречающихся в удмуртском языке. В грамматике 1970 г. не выделяется отдельная категория, к которой бы относились предложения, где сказуемое выражено причастием на *-мын* (например, *Солы верамын вал* ‘Ему было сказано’). Ни одна из приведенных групп не может описать семантическое значение данной категории предложений. Эти конструкции не описывают стихийные явления природы или организма, не выражают модальность и не сводятся к простому наличию или существованию. Их семантика сосредоточена на объективной констатации факта или состояния, являющегося результатом чьего-либо действия, при этом субъект действия остается неуказанным, несущественным или обобщенным. Для данной категории предложений характерно сосредоточение на самом действии или его результате, а не на исполнителе. В рамках теории функционально-семантических полей А. В. Бондарко, результативность рассматривается как особый тип аспектуального значения, фиксирующий предел действия и его последствия [12, с. 56]. Для удмуртского языка это означает, что форма на *-мын* не просто указывает на прошлое, а маркирует достижение качественного предела.

В русском языке подобная семантическая группа так же не выделяется, но существует отдельная категория предикатов, выражающая результативное состояние. К ним относятся, например, такие выражения, как: *Славно сработано; Об этом было сказано*².

Еще более прямые типологические параллели обнаруживаются в близкородственном коми языке. В нем выделяется подобная семантическая категория безличных предложений, которая обозначает окончание действия, его результат. Для предложений такого рода характерно сказуемое, выраженное глаголом на *-ӧма*. Примечательной особенностью структуры предложения является наличие косвенного дополнения в родительном или дательном падежах (например, *Сэті мыськӧма и пелькӧдӧма нин менам*. ‘Там (я) уже помыла и прибрала’; букв. ‘У меня

¹ Степанов Ю. С. Личности-безличности категория // Лингвистический энциклопедический словарь / отв. ред В. Н. Ярецова. Москва : Сов. энциклопедия, 1990. 683 с. С. 272–273. ISBN: 5-85270-031-2. EDN: RXSTYX

² Петров А. В. Система безличных предложений в современном русском языке : учеб. пособие. Москва : ФЛИНТА, 2014. 162 с. ISBN: 978-5-9765-2179-7. EDN: TYMJKF

вымыто-прибрано») [13, с. 108]. Эта параллель является значимой, поскольку подтверждает типологическое сходство в выражении безличности в финно-угорских языках.

В связи с выявленной проблемой в ходе анализа безличных предложений удмуртского языка мы видим явную необходимость в выделении особой семантической группы. Таким образом, данная группа предложений отражает выполненное действие, результат которого уже можно увидеть, но деятель данного действия либо остается неизвестным, либо он определяется внешним фактором.

На основе проанализированных предложений на удмуртском языке мы выявили, что сказуемое данной категории безличных предложений может быть выражено следующим образом:

а) Причастием, оканчивающимся на *-мын*: *Так-то солэн гидысь сиськон-кӧлан инты вадьсаз «Гондыр» гожтэмын* (А. Перевозчиков). ‘Так-то у него в конюшне над местом для еды и сна «Гондыр» написано’. *Отын верамын колхозникъёс пӧлын ужез умятон сярысь, фермаосты механизировать карон, умойёссэ адымиосты фермаосы ыстон, ужан дисциплинаез юматон сярысь но мукет* (Т. Архипов). ‘Там сказано об улучшении работы среди колхозников, о механизации ферм, отправлении на ферму лучших людей, укреплении рабочей дисциплины и другом’.

Данная форма сказуемого указывает на состояние, которое является результатом некоего предшествующего действия. Акцент производится не на процессе, а на состоявшемся результате, существующем в момент речи.

Причастием на *-мын* с отрицательным словом *ӧвӧл*: *Рос-прос куасьмемын ӧвӧл, но соин ик уже вамыштонолась* (А. Перевозчиков). ‘Толком не высохло, но с этим же на работу идти’. Здесь сказуемое *куасьмемын ӧвӧл* обозначает не просто значение ‘не высохло’, а ‘не находится в высохшем состоянии’, что акцентирует внимание на отсутствии завершенности действия. В целом подобная отрицательная конструкция обозначает отсутствие выраженного результата или состояния.

б) Причастием на *-мын* и лексемой *вал*: *Отын тазы верамын вал: Авдеев, пе, критикаез зйбе, колхозникъёслэсь чектонъёссэс, верамзэс кылэм-адзем уг кары, со, пе, колхозлэн председателзлы уг кельшы, мултэс тодйсьясъкись администраторлы кельше* (Т. Архипов). ‘Там так было сказано: Авдеев, мол, критику подавляет, предложения и высказывания колхозников не видит, не слышит, он, мол, председателю колхо-

за не нравится, лишнее знающему администратору схож’.

Лексема *вал* однозначно переводит действие или состояние в план прошедшего времени. Значение также сфокусировано на результате действий, произошедших и завершенных в прошлом.

Причастием на *-мын* и сочетанием лексемы *вал* с отрицанием (*ӧй вал*): *Юнме со брошкаез сузмытӥд – тыныд кузьмамын ӧй вал...* (Г. Красильников) ‘Зря эту брошку испортил – тебе подарено не было’. Конструкция с отрицанием указывает на отсутствие результата или состояния в прошлом.

в) Сочетанием причастия на *-мын* и глагола *луыны* (*луоз, луысал*): *Чуказе номерын быдэсак печатламын луоз* (И. Гаврилов). ‘В завтрашнем номере полностью напечатано будет’.

В отличие от формы на *-мын*, констатирующей уже завершенный результат, конструкция с *луоз* ‘будет’, указывает на результат еще не завершенного процесса в будущем.

Сочетанием причастия на *-мын* и глагола *луыны* с отрицанием (*уз луы*): *Мултэс верамын уз луы, тазы шуид ке: Европаысь но Америкаысь пресса мылысь-кыдысь но быдэсак сямен ужса аслаз лыдзисьёсызлэсь солэн юрттэмезтэк но начар культурной уровеньзэс кулэстон бордын* (М. Горький). ‘Лишнего сказано не будет, если так скажешь: Европейская и Американская пресса охотно и почти полностью работает над снижением низкого культурного уровня своих читателей даже без его помощи’.

В качестве сказуемого данной категории предложений выступает безличный предикат в значении результативного состояния, который иногда может употребляться в сочетании с локативом. Как, например, в предложении *Комнатаын утылскемын вал*. ‘В комнате было прибрано’, где в качестве локатива употребляется слово *комнатаын* в значении ‘в комнате’.

Причастие на *-мын* в данном типе предложений может сочетаться с глаголами, обозначающими состояние. Иногда такие глаголы, как утверждает В. И. Алатырев, могут иметь форму условного наклонения (с лексической единицей *ке*). Например, *Дырыз дырья косэмын луысал ке, туннэ ваньмыз дась луысал* («Если бы в свое время было приказано, сегодня все было бы готово») [14, с. 206].

Сравнение с пассивной конструкцией

Однако остается открытым вопрос о различии подобных безличных конструкций с пассивными конструкциями, т. к. они включают те же компоненты (пассивное причастие и вспомо-

гательный глагол «быть»). В силу этого некоторые формы в безличных и пассивных парадигмах совпадают.

В своей статье «О безличных глаголах и безличных синтаксических конструкциях в удмуртском языке» (1941) В. И. Алатырев также поднимает проблему разграничения обеих конструкций. Автор упоминает, что в свое время А. Леконцев и А. Бабинцев ошибочно относили личные предложения, в которых предикатом выступает форма на *-мын*. Объясняет он это страдательным оттенком формы на *-мын*, но подчеркивает, что все-таки безличность и страдательность являются совершенно разными категориями [15, с. 25].

По мнению некоторых других исследователей, обе конструкции могут использоваться без существенной разницы в значении. Как отмечает П. Оскольская, парадигма финно-угорского глагола включает ряд безличных форм (включая синтетические и аналитические). Безличные конструкции лишены подлежащего, способного контролировать согласование по лицу или числу (в отличие от личностных форм глаголов). Однако аналитические безличные формы состоят из вспомогательного глагола «быть» в третьем лице единственного числа и пассивного причастия. Между тем, пассивные конструкции могут состоять из тех же компонентов, но, в отличие от безличных конструкций, имеют подлежащее, контролирующее маркировку согласия на предикате [16, с. 225].

Как отмечает В. И. Алатырев в статье «О безличных глаголах и безличных синтаксических конструкциях в удмуртском языке», отглагольно-именная форма на *-мын* не согласуется в числе и лице, ведет себя не так, как остальные формы, выступающие в роли сказуемого. Несмотря на одинаковые формы и близкие значения, безличные и пассивные конструкции обладают различными синтаксическими свойствами. Аналитические формы безличных конструкций используют вспомогательный глагол «быть» в третьем лице. В пассивных конструкциях глагол «быть» может использоваться в любом лице и числе [17, с. 226]. Такого нельзя сказать о безличных конструкциях, что можно увидеть в наглядном примере, данном В. Алатыревым: *Милям быдэс коллективен пыремын луоз*. букв. 'У нас всей деревней в коллектив войдено будет' [18, с. 25]. В данном примере вспомогательное слово *луоз* может использоваться только в третьем лице и единственном числе, его нельзя поменять в контексте предложения, соответственно предложение является безличным.

Основной функцией как для безличных, так и для пассивных конструкций является децентрирование агента, т. е. смещение фокуса внимания с того, кто совершает действие, на само действие, его процесс, состояние или объект, который это действие испытывает, часто путем полного опущения агента или его выражения в косвенной, менее акцентированной позиции.

Однако основной существенной разницей здесь является то, что безличные конструкции не содержат подлежащего, в то время как пассивные – содержат. Объект в безличной конструкции может выражаться в родительном падеже. В пассивных же конструкциях объект отсутствует, т. к. тот, кто испытывает действие, сам становится подлежащим.

Как указывает В. П. Недеяков, результатив (глагольная категория, которая выражает состояние, выступающее следствием предшествующего действия) часто формально совпадает с пассивом, однако их категориальные значения в уже упомянутом источнике принципиально различны: пассив ориентирован на само действие, совершаемое над объектом, в то время как результатив – на состояние, в котором этот объект находится.

Сложность заключается в том, что объект во многих безличных конструкциях может находиться в номинативе, как и подлежащее в пассивных конструкциях. В таком случае становится невозможным отличить объект в безличной конструкции от подлежащего в пассивной конструкции путем падежного маркирования. Поэтому строгую границу между безличными и пассивными конструкциями провести сложно, т. к. основное синтаксическое различие между ними – является ли основной аргумент объектом или субъектом – становится расплывчатым. Например, в предложении *Сяськаез кузьмамын вал*. 'Цветок был подарен / Его цветок подарили' существительное *сяськаез* может восприниматься и как прямой объект в безличной структуре, и как подлежащее в пассивной, поскольку морфологические показатели падежа в данном случае не дают однозначного ответа.

Одни и те же морфосинтаксические элементы могут реализовываться в двух разных типах конструкций – безличной и личной пассивной – при этом каждая реализация обладает отличными структурно-семантическими свойствами. Конкретная роль и статус форм определяется их синтаксической позицией и согласовательными отношениями: то, что морфологически едино, в безличных контекстах функционирует как предикативная (глагольная) реализация, тогда

как в пассивных контекстах выступает как адъективная (предикатно-именная) единица [19, с. 58].

В качестве диагностических критериев безличности можно выделить:

а) отсутствие номинативного аргумента в структуре предложения;

б) наличие номинативного аргумента, который не влияет на согласование предиката по числу и потому рассматривается, скорее, как объект или тематический элемент, нежели как грамматическое подлежащее.

Выводы

В настоящем исследовании была предпринята попытка систематически описать и типологизировать безличные предложения, выражающие выполненное действие или состояния предмета, на материале современного удмуртского языка.

Немногочисленная по своему использованию группа отражает результативное состояние предмета, вызванное действием неопределенного субъекта, и представляет собой особую семантическую группу безличных предложений, которая не характерна для многих языков. Безличные конструкции исследуемого типа представляют собой устойчивую и семантически однородную категорию, сосредоточенную на самом результате действия или на состоянии. Для реализации этой категории используются различные формальные средства – причастные формы, их сочетания со вспомогательными элементами, а точнее с причастием на *-мын* самостоятельно и в сочетании с лексемами *вал* ‘был’ и *луыны* ‘быть, стать’. При этом ряд форм совпадает по морфологии с пассивными конструкциями, что подчеркивает необходимость дифференцированного анализа на основании синтаксических позиций и согласовательных зависимостей, а не только внешней формальной маркировки.

В работе были предложены диагностические критерии, позволяющие отличать безличные конструкции от пассивных: отсутствие номинативного аргумента в структуре предложения или наличие номинативного элемента, не контролирующего согласование предиката. Применение этих критериев выявило, что граница между безличным и пассивным не всегда четкая и часто требует рассмотрения конкретного контекста и синтаксической реализации аргументов.

Таким образом, исследование подтверждает, что безличные конструкции результативного типа являются автономной и важной составляющей синтаксической системы современного удмуртского языка и заслуживают дальнейшего теоретического осмысления и эмпирической

проработки. Данная группа является наименее употребительной в удмуртском языке, однако представляет собой уникальную категорию, не характерную для многих языков.

Источники

Национальный корпус удмуртского языка: сайт. URL: <https://udmcorpus.udman.ru/> (дата обращения: 15.01.2026).

Библиографические ссылки

1. Паташкова Е. С. Безличные предложения в синтаксической системе языка // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2013. С. 298–308.

2. Jumaeva F. R, Namazov R. A. Structural and semantic features of impersonal sentences (on the example of the works of A. P. Chekhov) // Middle European Scientific Bulletin. 2021. Pp. 664–675. DOI: 10.47494/mesb.2021.11.481

3. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / пер. с фр. И. М. Богуславского [и др.] ; вступ. ст., общ. ред. [и коммент.] В. Г. Гака. Москва : Прогресс, 1988. 656 с.

4. Popova E. I. Structural and semantic features of impersonal sentences // JournalNX – A Multidisciplinary Peer Reviewed Journal. 2023. Vol. 9 (1). Pp. 202–206.

5. Недялков В. П. Типология результативных конструкций (Результатив, стив, пассив, перфект) / [А. Салим, Н. А. Козинцева, Д. М. Насилов и др. ; отв. ред. В. П. Недялков]. Ленинград : Наука, 1983. 263 с.

6. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке) : [монография]. Москва : Изд-во МГУ, 1992. 335 с.

7. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Москва : Эдиториал УРСС, 2001. 624 с. ISBN 5-8360-0263-0

8. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. Москва : Изд-во Московского университета, 1958. 329 с.

9. Пупынин Ю. А. Безличный предикат и субъектно-объектные отношения в русском языке / Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 48–63.

10. Петров А. В. Классификация безличных предложений в русском языке // Русский язык в школе. 2012. № 2. С. 58–64. EDN: PFJHVR

11. Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения / Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при совете министров Удмуртской АССР ; под. общ. ред. В. И. Алатырева. Ижевск : Удмуртия, 1970. 246 с.

12. Теория функциональной грамматики / А. В. Бондарко, М. А. Шелякин, В. С. Храковский, В. П. Недялков и др. ; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др. ; АН СССР, Ин-т языкознания. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1987. 347 с.

13. Лудыкова В. М. Обязательные распространители сказуемого коми безличного предложения // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии. Ижевск : Удм. ун-т Кафедра общего и финно-угорского языкознания, 1997. С. 105–115.

14. Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения / Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при совете министров Удмуртской АССР ; под. общ. ред. В. И. Алатырева. Ижевск : Удмуртия, 1970. 246 с.

15. Алатырев В. И. О безличных глаголах и безличных синтаксических конструкциях в удмуртском языке // Записки. Вып. 10 : Вопросы языка, литературы и фольклора : [сборник статей] / [редколлегия: редактор С. П. Горбушин, член редколлегии П. Н. Перовщиков] ; Удмуртский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и фольклора при СНК Удмуртской АССР. Ижевск : Удмуртгосиздат, 1941. 126 с. С. 3–27.

16. Oskolskaia P. Impersonal or passive? Some approaches to analysis (based on the Veps and Estonian languages) // Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. 2024. № 15 (1). Pp. 221–253. DOI: 10.12697/jeful.2024.15.1.07

17. Oskolskaia P. Impersonal or passive? Some approaches to analysis (based on the Veps and Estonian languages) // Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. 2024. № 15 (1). Pp. 221–253. DOI: 10.12697/jeful.2024.15.1.07

18. Алатырев В. И. О безличных глаголах и безличных синтаксических конструкциях в удмуртском языке // Записки. Вып. 10 : Вопросы языка, литературы и фольклора : [сборник статей] / [редколлегия: редактор С. П. Горбушин, член редколлегии П. Н. Перовщиков] ; Удмуртский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и фольклора при СНК Удмуртской АССР. Ижевск : Удмуртгосиздат, 1941. 126 с. С. 3–27.

19. Петров А. В. Классификация безличных предложений в русском языке / Русский язык в школе. 2012. № 2. С. 58–64. EDN: PFJHVR

20. Torn-Leesik, Reeli. An investigation of voice constructions in Estonian (Dissertationes philologiae uralicae Universitatis Tartuensis 26). Tartu : University of Tartu, 2016. 240 p.

References

1. Patashkova E.S. [Impersonal Sentences in the Language Syntactical System]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, 2013, pp. 298-308. (in Russ.).

2. Jumaeva F.R., Namazov R.A. Structural and semantic features of impersonal sentences (on the example of the works of A. P. Chekhov). *Middle European Scientific Bulletin*, 2021, pp. 664-675. (in Engl.). DOI: 10.47494/mesb.2021.11.481

3. Ten'er L. Per. s fr. I.M. Boguslavskogo [i dr.] ; vstup. st., obshh. red. [i komment.] V.G. Gakaю *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Fundamentals of structural

syntax]. Moscow, Progress Publ., 1988, 656 p. (in Russ.)

4. Popova E.I. Structural and semantic features of impersonal sentences. *JournalNX – A Multidisciplinary Peer Reviewed Journal*, 2023, vol. 9 (1), pp. 202-206. (in Engl.).

5. Nedyalkov V.P. [A. Salim, N.A. Kozinceva, D.M. Nasilov i dr. ; otv. red. V.P. Nedyalkov]. *Tipologiya rezul'tativnykh konstrukcij (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)* [Typology of effective constructions (effective, static, passive, perfect)]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, 263 p. (in Russ.).

6. Kibrik A.E. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznanija (Univers., tipovoe i specifich. v yaz.) : mongografiya* [Essays on general and applied issues of linguistics (Universal, standard and specific. in the language), monograph], Moscow, MGU Publ., 1992, 335 p. (in Russ.).

7. Shahmatov A.A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Syntax of the Russian language]. Moscow, URSS Editorial, 2001, 624 p. (in Russ.). ISBN 5-8360-0263-0

8. Galkina-Fedoruk E.M. *Bezlichnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [Impersonal sentences in modern Russian]. Moscow, Moscow University Press, 1958, 329 p. (in Russ.).

9. Pupynin Yu.A. *Bezlichnyj predikat i sub"ektno-ob"ektnye otnosheniya v russkom yazyke* [Impersonal predicate and subject-object relations in the Russian language]. *Voprosy yazykoznanija*, 1992, no. 1, pp. 48-63. (in Russ.).

10. Petrov A.V. *Klassifikacija bezlichnykh predlozhenij v russkom jazyke* [Classification of impersonal sentences in Russian]. *Russkij jazyk v shkole*, 2012, no. 2, pp. 58-64. (in Russ.). EDN: PFJHVR

11. *Grammatika sovremennogo udmurtskogo jazyka. Sintaksis prostogo predlozhenija. pod. obshh. red. V.I. Alaty`reva* [Grammar of the modern Udmurt language. Syntax of a simple sentence]. Izhevsk, Udmurtia Publ., 1970, 246 p. (in Russ.).

12. A.V. Bondarko, M.A. Shelyakin, V.S. Xrakovskij, V.P. Nedyalkov i dr. ; redkol.: A.V. Bondarko (otv. red.) i dr. ; AN SSSR. *In-t yazy'koznaniya Teoriya funkcion-al'noj grammatiki* [Theory of functional grammatics]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, 347 p. (in Russ.).

13. Ludykova V.M. *Obyazatel'nye rasprostraniteli skazuemogo komi bezlichnogo predlozheniya* [Obligatory distributors of the predicate of the Komi impersonal sentence]. *Permistika 4: Permskie yazyki i ih dialekty v sinhronii i dahronii*. Izhevsk: Udm. University Department of General and Finno-Ugric Linguistics, 1997, pp. 105-115. (in Russ.).

14. *Grammatika sovremennogo udmurtskogo jazyka. Sintaksis prostogo predlozhenija. pod. obshh. red. V.I. Alaty`reva* [Grammar of the modern Udmurt language. Syntax of a simple sentence]. Izhevsk, Udmurtia Publ., 1970, 246 p. (in Russ.).

15. Alaty`rev V.I. [redkollegiya: redaktor S. P. Gor-bushin, chlen redkollegii P. N. Perevoshhikov] ; Udmurtskij nauchno-issledovatel'skij institut istorii, yazy'ka, literatury` i fol'klora pri SNK Udmurtskoj ASSR. *O bezlichny`x glagolax i bezlichny`x sintaksi-cheskix konstrukciyax v udmurtskom yazy`-ke* [On im-

personal verbs and impersonal syntactic constructions in the Udmurt language]. Izhevsk, Udmurtgosizdat Publ., 1941, 126 p., pp. 3-27.

16. Oskolskaia P. Impersonal or passive? Some approaches to analysis (based on the Veps and Estonian languages). *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*, 2024, no. 15 (1), pp. 221-253. (in Engl.). DOI: 10.12697/jeful.2024.15.1.07

17. Oskolskaia P. Impersonal or passive? Some approaches to analysis (based on the Veps and Estonian languages). *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*, 2024, no. 15 (1), pp. 221-253. (in Engl.). DOI: 10.12697/jeful.2024.15.1.07

18. Alaty'rev V.I. [*redkollegiya: redaktor S. P. Gorbushin, chlen redkollegii P. N. Perevoshnikov*] ; Udmurt

murtskij nauchno-issledovatel'skij institut istorii, yazyka, literatury i fol'klora pri SNK Udmurtskoj ASSR. O bezlichnyx glagolax i bezlichnyx sintaksicheskix konstrukciyax v udmurtskom yazy-ke [On impersonal verbs and impersonal syntactic constructions in the Udmurt language]. Izhevsk, Udmurtgosizdat Publ., 1941, 126 p., pp. 3-27.

19. Petrov A.V. *Klassifikacija bezlichnyh predlozhenij v russkom jazyke* [Classification of impersonal sentences in Russian]. *Russkij jazyk v shkole*, 2012, no. 2, pp. 58-64. (in Russ.). EDN: PFJHVR

20. Torn-Leesik, Reeli. An investigation of voice constructions in Estonian (*Dissertationes philologiae uralicae Universitatis Tartuensis* 26). Tartu, University of Tartu, 2016, 240 p.

I. A. Lekontseva, Post-graduate
Udmurt State University, Izhevsk, Russia

IMPERSONAL SENTENCES EXPRESSING THE RESULT OF AN ACTION (based on the udmurt language)

The article is devoted to the analysis of impersonal sentences expressing the performed action or the state of the object in the system of the modern Udmurt language. Special attention is paid to the syntactic role of the participle with -мын (-мын) as the main element of the predicate, as well as its combinations with negative words and auxiliary verbs, clarifying the temporal characteristics of the action. The article contributes to clarifying the grammatical classification of impersonal sentences in the Udmurt language.

For the first time, it is proposed to identify a new, independent semantic group of impersonal sentences expressing the result of an action. To support this hypothesis, typological parallels are given with the Russian language (the category of predicates of the effective state) and the Komi language (impersonal constructions denoting the end of an action and its result). The article substantiates the idea that the identified category is a stable, semantically homogeneous group focused on the result of the process, rather than on its leader. The study contributes to clarifying the grammatical classification of impersonal sentences in the Udmurt language.

At the same time, the formal proximity of some impersonal and passive forms of the Udmurt language has been revealed, since they include the same components (the passive participle and the auxiliary verb «to be»), which makes it necessary to rely on syntactic positions and consistent relationships in classification. The article suggests diagnostic criteria that make it possible to distinguish impersonal constructions from passive ones: the absence of a nominative argument in the sentence structure; the presence of a nominative argument that does not affect the agreement of the predicate by number and is therefore considered more as an object or thematic element than as a grammatical subject. It can be seen that the boundary between the impersonal and the passive is not always clear and often requires consideration of the specific context and syntactic implementation of arguments.

Keywords: impersonal sentences; Udmurt language; semantics; effective action; passive sentences

Получена: 27.04.2026
ГРНТИ 16.41.25

Образец цитирования

Леконцева И. А. Безличные предложения, выражающие результат действия (на материале удмуртского языка) // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2026. Т. 22, № 2. С. 105–112. DOI: 10.22213/2618-9763-2026-2-105-112

For Citation

Lekontseva I.A. [Impersonal sentences expressing the result of an action (based on the udmurt language)]. *Social'no-ekonomiceskoe upravlenie: teorija i praktika*, 2026, vol. 22, no. 2, pp. 105-112 (in Russ.). DOI: 10.22213/2618-9763-2026-2-105-112